

УДК 82.0
DOI 10.17223/18137083/64/14

В. К. Васильев

Сибирский федеральный университет, Красноярск

**Об архетипическом подходе
к анализу женских образов-характеров
(письменный и устный текст) ***

Предложен метод анализа образов-характеров, который применим к любому произведению русской литературы при условии, если в нем имеется сколько-нибудь психологически разработанный женский персонаж. Основой исследовательской технологии служат мотивный анализ, ограниченный жесткими рамками структурно-типологического подхода; учение К. Г. Юнга об архетипах как содержании «коллективного бессознательного»; сюжетно-мотивные комплексы или модели, выстроенные на основе ряда произведений, героями которых являются добрые и злые жены. Термин «мотив» при анализе названных архетипических образов дополнен термином «психологема» – «психоаналитический мотив». Такое понимание не противоречит представлениям К. Г. Юнга, который подразумевал под психологемами «чрезвычайно древнюю архетипическую психологическую структуру». Для чистоты эксперимента сюжетно-мотивные комплексы реконструированы на основе изучения библейско-византийско-древнерусских источников. Показана прямая генетическая связь между литературными и устными древними текстами и текстами Нового времени: для тех и других свойственны сходные сюжетно-мотивные комплексы.

Ключевые слова: методология, анализ текста, русский фольклор, русская литература, архетип, психоанализ, типология, женские образы.

1. О чем забыли сегодня исследователи текста? О существовании стратегии поиска структурных универсалий, пронизывающих тексты культуры. Стратегия

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 17-14-24008.

Васильев Владимир Кириллович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (просп. Свободный, 82, стр. 1, Красноярск, 660041, Россия; v-v-kir@yandex.ru)

эта отчетливо оформилась еще полтора столетия назад прежде всего в работах академика А. Н. Веселовского (1838–1906).

Почему эта стратегия забыта? Полагаем, в первую очередь потому, что всеми вольными или невольными последователями идей А. Н. Веселовского – компаративистами, формалистами, марксистами, структуралистами, типологами – были получены лишь отрицательные результаты. Единственное исключение – знаменитая монография В. Я. Проппа «Морфология сказки» [Пропп, 1928]. Ученому удалось сделать открытие, которое, на наш взгляд, стоило бы назвать «законом Проппа». Текст имеет матричную природу (матрица – система элементов), – так можно его сформулировать. Однако это верно по отношению к волшебной сказке, всего лишь одному из архаичных фольклорных жанров. А весь вопрос в том, верно ли это по отношению к литературным текстам?

Представим себе, что стратегия поиска научного метода в области познания универсалий текста увенчалась успехом, что филология наконец обрела точный метод / превратилась в точную науку. Это значит, что, анализируя текст, мы можем получать объективную, многократно подтверждаемую информацию. Представим себе, что овладев алгоритмами точного, формально-логического исследования, аналитики (а это не только профессионалы – все начинается со школьников, осваивающих научные подходы к различным предметам!) не будут всякий раз спорить, создавать разногласия, расходиться в толковании произведений, а, наоборот, будут едины и более всего озабочены не спорами, а задачей максимально исчерпать точные смыслы текста. Под таковыми мы понимаем смыслы, строго соответствующие семантике слова, текста и контекста и в то же время реализуемые в границах постоянно воспроизводящихся в историко-литературном процессе архетипических текстуальных структур.

Опять же представим себе, что вся предварительная работа проделана и мы имеем в руках некие универсалии / структурно-типологические модели, объединяющие «русский текст» – в масштабах от времени его возникновения до времени настоящего.

Слово «представим» следует убрать, поскольку комплекс универсалий, о котором идет речь, и соответствующая методология описаны в статьях, учебных пособиях и монографиях автора этих строк (см., например: [Васильев, 2009], а также видеолекции «Архетипический анализ литературного текста»¹). В чем-то опубликованные материалы нуждаются в корректировке, но более всего они нуждаются в дополнениях и продолжении. С этой целью и пишется данная статья. Мы обратимся к некоторым из таких моделей. Они выстроены на основе изучения библейской и древнерусской сюжетики «злых и добрых жен» и являются составляющими описываемого подхода / аналитического комплекса. Отметим, что в древнерусском языке «жена» – 1) 'женщина', 2) 'супруга'.

Тема злых и добрых жен пронизывает устные и письменные тексты, она не ограничена русской литературой или литературой стран христианского ареала (хотя в нашем случае христианская природа образа – основополагающий критерий выделения).

Несомненно, к источникам, используемым для реконструкции моделей, следует отнести и произведения новой литературы. Библейская тема добрых и злых жен, пришедшая в русскую письменность на этапе ее становления из византийской словесности, наилучшим образом реализовалась в классических произведениях XIX–XX в. В частности – в романах «Война и мир» и «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, в романе И. С. Тургенева «Дым» (см.: [Васильев, 2010; 2009,

¹ *Васильев В. К.* Архетипический анализ литературного текста, или К проблеме описания матрицы русской культуры. URL: <http://tube.sfu-kras.ru/video/2094> (дата обращения 14.10.2107).

с. 189–208]), в произведениях М. А. Шолохова и В. М. Шукшина (см.: [Васильев, 2017]). Можно было бы назвать десятки других имен и еще большее количество произведений. Однако сформулированное положение, в сущности, является выводом. А к выводам надо прийти. Поэтому не только для чистоты эксперимента, но и с позиции историзма мотивные составляющие образов доброй и злой жен будут выстроены на основе текстов Священного Писания и древнерусских произведений, переводных (византийских) и оригинальных.

Еще несколько слов о комплексном аналитическом подходе. Его природа раскрывается через набор определений: системный, структурно-типологический, структурно-архетипический/психоаналитический, сюжетно-мотивный, историко-функциональный, интертекстуальный и пр. Таким образом, типология как теория и метод (включающая положения о структурной природе текста, в том числе – о мотивах или сюжетно-мотивных комплексах), теория сложных систем, архетипика / теория «коллективного бессознательного» К. Г. Юнга являются составляющими характеризованного комплекса. В него также входят конкретные структурные модели, одна из них описана далее.

Что касается мотивного анализа, то он предстает не как «разновидность постструктуралистского... подхода к художественному тексту», «введенного в научный обиход» [Руднев, 1999, с. 180] Б. М. Гаспаровым (в противовес структуральным идеям Ю. М. Лотмана) и используемый для описания мотивов и лейтмотивов вне «заданного “алфавита”» [Гаспаров, 1993, с. 31]. В нашем случае это анализ, работающий в границах интертекстуальной «архетипической матрицы». Ее манифестацией как раз и является определенный сюжетно-мотивный комплекс или же «комплекс языковых единиц» / «заданный “алфавит”» (если выразиться языком Б. М. Гаспарова). Семантическое поле этого комплекса направляет и ограничивает ассоциации истолкователя. Мотивный анализ такого типа мы бы отнесли к сфере (гуманитарного) общенаучного. Он наиболее близок к «методу Проппа», основанному на описании сюжетной матрицы волшебной сказки.

Что означает решить задачу выявления мотивных составляющих образов доброй и злой жен в системном/структурно-типологическом аспекте? Сама постановка вопроса отчасти содержит ответ. Внимание к мотивам как к семантически сверхнагруженным элементам текста, носителям ключевых смыслов связано именно с задачей анализа целостной структуры – образа, сюжета, произведения в целом. Предмет, который позволяет выявить мотивные составляющие, – это тексты типологического ряда, содержащие образы добрых и злых жен. То же самое следует сказать и о сюжетах о добрых и злых женах. (Если мы произносим термин «сюжет», это значит, что мы можем автоматически апеллировать к понятиям «герой», «персонаж», «образ», «система образов» и т. п.)

Специфика в нашем случае заключается в особой природе мотивов. В сущности, это психологемы² – архетипические/психоаналитические мотивы. Именно они позволяют постичь глубинную сущность образа-характера героя произведения, осуществить его психоанализ.

Психологемы / мотивные составляющие образов доброй и злой жен (а также выражающие их образы-символы) в архаичных текстах представляют собой набор антиномий, бинарных оппозиций, что соответствует природе сюжета-архетипа, к которому они восходят (см.: [Васильев, 2009, с. 16–64]). Ограниченный объем статьи вынуждает нас убрать ссылки на источники и комментарии.

Добрая жена: богобоязненная, боголюбивая; молитвенница, постница; добродетельная, нищелюбивая (служашая ближним и миру), благонравная (добронравная); благовоспитанная, любезная, благодарная; стыдливая; крепкая (неподаю-

² Термин введен в науку К. Г. Юнгом. Он понимал под ним «чрезвычайно древнюю архетипическую психологическую структуру» [Юнг, 1996, с. 343].

щаяся соблазну/искушению, чужой воле), воздержанная; милосердная; безукоризненная, хорошая; целомудренная, верная, чистая; кроткая (смиренная, покорная, тихая, послушная, беспрекословная); правдивая, честная; трудолюбивая, рукодельница, прилежная; бережливая; мудрая (умная); щедрая, бескорыстная; молчаливая; плодовитая, чадолюбивая; устроительница (помощница, подружница); спасительница, целительница и т. п.

Злая жена: обавница, баба богомерзкая³ (идоломолица, еретица, чародеица, колдунья/ведьма, нечестивая, бесноватая, прокудливая), плясавица; упынчивая; законопреступная; злонравная; злопамятная; плохая (худая, негодная, скверная); наглая, бесстыдная, позорная, грязная, срамная («сточная труба»); блудная (прелестница, бесстыдная, похотливая, растленная и растлительница, любодееца, сука, блядь/блядливая); заблудшая; гордая, властолюбивая, самовластная (непоскорная, непослушная, упрямая, необузданная); лживая (ненавидящая правду, лицемерная, притворная, лукавая, льстивая, коварная, хитрая, пронырливая); ленивая (нерадивая); разорительница (растратчица); щеголиха; глупая (безрассудная, малоумная, злоумная); жадная; завистливая; крадливая; шумливая, сердитая, сварливая, гневливая; укоряющая, осуждающая, злословящая, злоязычная, проклинающая, клеветница, брехливая; драчливая, яростная, лихая, буйная, бешеная, лютая, свирепая; ревнивая; ненавидящая мужа, ехидна (ненавидящая детей своих, рождающая отцеубийц и матереубийц); разрушительница (семьи, дома, рода); погубительница; змея/змееподобная (василиска, скорпия, жаба, черепаха, аспид), коза, львица, медведица, зверь и т. п.

Стоит сказать, что «мужское зло» мало отличается от женского. Если в образе-характере героя доминируют отрицательные психологемы, то перед нами «злой человек».

Тема доброй жены пронизана мотивами счастья, радости, беспечалия, уверенности в будущем; тема злой – скуки, печали, уныния, предчувствием и ожиданием беды, несчастья в судьбе.

Если злая жена красива, то красота ее всегда телесна, связана с мотивами очарования, оболщания, блуда. Красота доброй жены прежде всего в ее добродетелях, она духовна. В этой мудрой философии древнерусского книжника важно заметить не только то, что существует лишь один тип подлинной красоты – красота духовная, воплощенная в деяниях, но и то, что обладающая ею добрая жена – одна из тысячи жен.

Злая жена – кара Господня мужу (и всякому, соединившему с нею свою судьбу). Она воплощает судьбу-горе, недолю. Она разорительница и погубительница дома (семьи), путь ее лежит в бездну, за ней закреплены мотивы гибели, «злой смерти». Добрая жена – устроительница дома, она награда и спасение мужу, с нею дни его удвоятся. С ее образом связаны мотивы исцеления, возрождения и воскресения.

Из сказанного следует, что необходимо говорить еще и о сюжетах о доброй и злой женах. Алгоритмом сюжетного действия, героиней которого выступает злая жена, будет движение к гибельному финалу, «злой смерти». За ней закреплены образы-символы ада, бездны, пропасти. Всякий раз это повествование о том, как законы зла реализуются в жизни. Сюжет о доброй жене несет в себе противо-

³ «В древнерусской культуре существовал оппозиционный идеалу женской святости образ “баб богомерзких” – колдуний, ведьм и знахарок как хранительниц языческих верований и обрядов. Сфера их деятельности охватывала преимущественно поле “женских интересов” – дом, любовь и здоровье. В литературных памятниках они выступают в качестве “потворщиц греха”» [Бармина, 2009, с. 20]. К числу «баб богомерзких» относились и лесбиянки (см.: [Чумакова, 2001, с. 145]).

положную семантику. Классическое воплощение образа и сюжета о доброй – святой жене являют женские жития. Всегда злой женой будет блудница, соблазняющая мужчину, в том числе «чужая», замужняя, изменяющая мужу.

Перечислены не все психологемы. Можно продолжать, входить в детали, уточнять, разворачивать смыслы. Можно несколько по-иному выстроить сам перечень, а также дополнить его впечатляющим набором топосов, образов-символов, колоритных характеристик и деталей, которые использованы авторами разных столетий при разработке темы добрых и злых жен. Если привлечь тексты новой литературы, то количество психологем весьма заметно возрастет – в основном за счет лексики, которой не было в обиходе средневековых авторов. (Изучение языка архетипа / психоаналитического языкового комплекса в историческом аспекте – весьма интересная и важная тема.) Однако сколько бы ни приводить примеров и ни добавлять отсылок, вполне понятна не только логика построения архетипических образов, но и стоящая за ней их одномерная природа. Лермонтовское определение «в одном всё чисто, а в другом всё зло» тут как нельзя кстати. Эта природа будет сохраняться и в сочинениях нового времени. Архетип говорит именно на «ангельском» и «демонском» языке несмотря на то, какая эпоха на дворе.

В конкретных текстах реализуется тот или иной набор мотивов/психологем, который позволяет определить, что за образ и сюжет перед нами. Последовательность сюжетной реализации мотивов относительно свободна, однако в итоге сюжет являет собой жестко организованное, матричное смысловое пространство.

2. Чаще всего в составе того или иного художественного образа мы найдем как положительные, так и отрицательные элементы. Однако это не означает, что архетипика не позволяет дать убедительную интерпретацию. Типичными в таких случаях являются два варианта: либо мы обнаруживаем в процессе анализа доминантные элементы, позволяющие классифицировать психотип героини, либо, рассмотрев сюжетную динамику, мы видим эволюцию – от «злой» к «доброй» или наоборот. Весьма часто, как это ни удивительно, встречаются, говоря языком И. С. Тургенева, и «чистые, беспримесные типы».

Иногда для того, чтобы определить авторскую стратегию создания образа, достаточно прочитать такую, например, строку: «Ходит где-то хороший парень и не знает, что на него уж тут петля заготовлена» [Распутин, 1990, с. 213]. Эти слова сказаны о шестнадцатилетней Гальке, персонаже повести В. Г. Распутина «Деньги для Марии». Можно уверенно предполагать, что остальные характеристики автоматически относят ее к типу «злой жены». (С такой работой могла бы справиться компьютерная программа.) Действительно, если выстроить характеристики племянницы тетки Степаниды в один ряд, то вопросы снимаются. Галька глупая («умишко детский»), «с горором», непослушная, грубая, злоязычная, скандальная («здоровая... горло драть»); Степанида от нее «доброе слово не слышит», племянница ей «всю шею переела», живут они «как кошка с собакой»; «Ей слово, она тебе десять. Ей десять, она тебе тыщу»), кровопийца («Сколько она из меня крови высосала!» – восклицает тетка), «безжалостная», «вредительша», пьющая, бесстыжая, «кобыла», у нее «вся деревня ухажеры» (автор подчеркивает телесность героини: «девка она была крупная и уже давно переросла Степаниду что ввысь, что вширь»; к гостям, Василию и Кузьме, она выходит из комнаты «в коротком, тесном ей платье, с голыми крепкими коленками»; тетка ругает ее за то, что она показывает «мужикам срамоту свою»; Галька же заметит Василию: «То-то ты и заоблизывался, когда я в том платье вышла»), «язва», «змея», «змея подколотная», «окаянная сила», мужика от такой «упаси Бог», «девка, не приведи Господь никому такую». «И за что меня Господь Бог покарал такой холерой?» – сетует воспитывающая ее с девяти лет тетка. За героиней закреплен мотив несчастья («Вот счастье-то выпало под старость лет», – горько иронизирует Степа-

нида). Героиня плачет – ей жалко Марию (см.: [Распутин, 1990, с. 210–217]). Но природу образа-характера эта деталь не меняет. Галька – персонаж эпизодический, но если бы автору понадобилось подробно воплотить историю ее жизни, то алгоритм построения вполне ясен. В основе этого алгоритма лежат означенные психологемы. Несложно уяснить, что характер Степаниды из того же ряда.

Порой образ и сюжетная ситуация создаются с использованием необычайно малого набора поэтических средств. Один из примеров – стихотворение А. В. Кольцова «К М...»:

Подобных Маше очень мало
И в мире равных не бывало:
Лицо, движенья, речь и взгляд
Стальное сердце распалят.
Любить ее и я бы рад,
Когда б в груди не крылось жало,
Когда б в любви ее – не яд
[Кольцов, 1984, с. 36].

Данный подход позволяет освободиться от академической и школьной мифологии, складывающейся вокруг некоторых женских образов и тиражируемой в учебной литературе, «золотых сочинениях» и т. п. К сожалению, у нас нет возможности обратиться здесь к данной проблематике.

3. Необходимо остановиться на такой очевидной и весьма значимой функции архетипического подхода (чтения), как психоаналитичность. Модель, включающая набор психологем, позволяет разобрать по элементам не только образ-характер литературного героя, но и... читателя. В данной ситуации все равны – исследователь, учитель и ученик. Каждый может проанализировать свой «личный текст», разобрать «сюжеты» прошлого и настоящего, уяснить прогноз на будущее. Странно или нет, но это будет взгляд на себя с позиции... Бога, поскольку санкцией здесь выступает Священное Писание. Можно также подвергнуть анализу ментальные установки группы – возрастной или связанной с определенным ареалом проживания и пр. В этом заключается задача данного раздела.

Мы предлагаем ознакомиться с результатами опроса жителей Богучанского района Красноярского края. Всего было опрошено 102 человека, из них 27 мужчин. Возраст опрашиваемых – от 16 до 97 лет. Приангарский регион, в котором проводилась работа (в июле 2107 г.), по-своему уникален. Некоторые поселения региона основаны еще в XVII в. (Манзя – в 1624 г., Пинчуга – в 1684 г., с. Богучаны – в 1642 г. и пр.). До недавнего времени в Приангарье сохранялся традиционный фольклор и старожильческий диалект. В связи с пуском Богучанской ГЭС (2012) в регионе было затоплено 29 деревень, жители переселены. Укладу жизни, сложившемуся за столетия, был нанесен разрушительный и непоправимый удар.

Если говорить о специфике этнокультурной, фольклорной ситуации в старожильческих районах Приангарья, то поражает повсеместное сохранение практики знахарства и колдовства. Более 60% опрошенных женщин владеют этой практикой, являются «знаткими». Если же говорить о практике обращения к «знатким» за помощью или же о вреде, когда-либо причиненном ими, то процент увеличивается до ста! По этой причине самый распространенный здесь фольклорный жанр – быличка⁴. Как это не удивительно, в XXI веке фольклорист сталкивается в Приангарье почти с гоголевской ситуацией. Это видно и по записям быличек, и по примерам, приведенным далее. Информантам было предложено порассуждать в рам-

⁴ Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья. URL: <http://angara.sfu-kras.ru/> (дата обращения 14.10.2107).

ках тем: «Как вы представляете себе, что такое идеальная, добрая жена/женщина» и «Что такое женщина злая/непутевая». Они должны были попытаться составить психологические портреты той и другой и привести примеры из жизни. Мы даем выборку наиболее репрезентативного материала (с сохранением норм расшифровки звучащей речи). Выделенные полужирным шрифтом психологемы, сформулированные непосредственно информантами, даны в кавычках. Без кавычек приведены психологемы, выводимые из контекста. Мы не публикуем данных об информантах из-за ограниченности объема статьи, к тому же не все они дали на это согласие. (По большей части это те же самые информанты, сведения о которых опубликованы на указанном сайте. Там же читатель может найти былички и устные рассказы, дополняющие рассматриваемую проблематику.)

«Добрая жена» («баба добрая»):

богопослушная («Если ребенок тебя слушат, ты ему все дашь. Ну, как все? То, что нужно, ты ему дашь. А если не слушат, ничего не дашь. Так же и Бог с нами обращается. Если мы его слушаем, он нам дает все»);

«святая» («Ну, если ты добрая, то ты святая <...> Если же она в Бога верует, добро человеку делает, зла не желает человеку, конечно, это добрая и святая. Я так считаю»);

«верная» («Верной быть, не изменять уж ради бога»);

«стойкая» («Как бы ее судьба не была, не колотила, держится прямо – стойкая»);

«любящая», «сочувствующая», «добрая» («она должна любить тех, кто с ней живет рядышком. Понимаешь? Любить. Хоть какую, кривую, косую, косолапую, хоть какую. Она должна любить своих всех. И всех соседей <...> Всех. Никак нельзя больше иначе. Мы убиваем тех людей, которые, ну, не доросли до нас, допустим», «Сочувствует человеку, придет в любое время на помощь <...> родной ты человек или не родной», «Идет к людям с добром, безо всякого зла и которая не ждет ответной реакции <...> она не ждет, что ты обязана ей это добро вернуть, нет. Вот она просто хочет человеку сделать добро», «В любую минуту может прийти на помощь <...> у меня хорошие подружки, очень даже. В любой момент, что только случится <...> сразу помогаем», «У меня тетка была, она верующая <...> в любой момент ее позови, она всегда была готова прийти на помощь», «Здесь наша деревенская есть, Татьяна. У ней старшая сестра Варвара. Варвара эта умерла, осталось двое детей. И вот это ее сестра, Татьяна, взяла этих двоих детей себе и, в общем-то, выучила. У ней-то своих двое, свои дети у нее не получили высшего образования, а Варины дети получили высшее образование. Вот так»);

«хорошая», «доброжелательная», «справедливая», «искренняя», «честная» («у нее нету ни зла, ниче», «допустим, она одна, то она себя ведет очень хорошо, и очень это справедливо, она никогда не врет, она никогда ничего плохого не делает», «Говорить всегда уж правду какую-то, враньем не заниматься, не подхалимничать», «Никогда нигде ниче плохого не скажет»);

«работающая» («Особенно я люблю и уважаю работающих женщин»);

«хорошая хозяйка», «стряпуха» («Варить уметь», «Хозяйство у нее хорошее», «Она должна была накрыть на стол. <...> В основном, это касалось кухни, скотины: ведь, какая идет корова, – тоже судили хозяйку. А корова должна быть ухоженная <...> А так настоящая женщина – это хозяйка, это стряпуха, это было видно по хлебу, по дому», «Она уметь должна дома уют создать. Уют, чтобы всегда муж был, семья была накормлена, чисто было все»);

«помощница» («Бог создал жену почему? – Помошницу. Она должна знать свое место. Она помошница. А когда жена стает начальником дома – тот дом разрушится вскоре, потому что жена не должна начальствовать – должна помощницей быть. И не ворковать, как некоторые воркуют»);

чадолобивая, устроительница («В первую очередь она должна быть мамой, настоящей мамой», «А кто дома сидит, только по одной причине, я считаю. Если она воспитывает детей, все на ней если. Как у нас, это Алешкина жена – трое детей, но с собой на машине. Она всех их развозит по всем кружкам – везде, везде», «Взаимопонимание, поддержка всегда в семье должна быть. Ну, вот такая женщина должна быть: где-то уступить, где-то она, наверно, больше сохраняет семью, да, хранительница очага», «Кажется, большинство все зависит от жены <...> где-то вот что-то не так – быть снисходительной. Где-то простила, а где-то тихонько, лаской сделала по-своему. Ну, все это вот ласково! Мужа особенно надо хвалить! Вот уж какой он там никакой, а он всю жизнь хороший, он все может, все умеет, все сделает. Хотя сама ему тут сделаешь, поможешь все... Но он самый лучший!»), «Быть все время <...> рядом. Не “вот поехал, и поезжай!” <...> Я тоже ездила на рыбалку! У костра также сидела! <...> Кино кончилось – мы в лодку! Поехали плавать... сети от острова туда. Приедем с рыбкой домой! Почти что все вместе: дрова колем, пилим вместе <...> В огород идем вместе, полоть идем вместе, мы в лес едем вместе <...> Вот уж все говорят: “Никуда не отпускает!” А я его не держу. Он сам потом без меня никуда не едет!»);

гостеприимная, щедрая («В дом заходишь – угощали. Ну, такого, чтобы не угощали, по-моему, такого вообще не было. К кому не придешь – всегда за стол, всегда тебе бухты [свеклы] насыплют, конфеточек из ящика достанут, карамелек – угостят», «Вот даже в огородах что-торосло, да. Они поделаются даже вот без всякой вот такой – что жалостью, с жадностью. Вот мы сколько были, приезжали вот: “Ой, буду я еще продавать <...> мне денег хватит вот этих, которые я имею, да. Да я лучше вот отдам тому-то, они нужнее этому вот”»);

«умная», «мудрая», «спокойная», «уравновешенная», «прощающая» («Должна соизмерять свои поступки, что она делает», «С мозгами у нее нормально, как по-моему», «Очень спокойная, очень уравновешенная – в этом мудрость женщины», «Женщина <...> во всех случаях она должна быть умной. Она должна <...> все вовремя предотвратить, все предусмотреть вовремя, вот. Где-то промолчать, где-то потихоньку потом все это вот сказать, вот где-то объяснить <...> Женщина должна уметь любить и прощать. Это самое главное, когда уметь прощать, вот. Вроде бы вот эту свою гордость надо, это самое, унять и надо как бы... ну, быть умной», «Поддерживать атмосферу такую, вот я, например, все время че-нибудь, вот любое в шутку могла превратить <...> сгладить эти острые углы», «Ругаться в семье нужно шепотом, и чтоб этого не слышали ваши дети <...> чтобы они никогда о своих родителях не могли сказать, что вот мои мама, папа там плохие <...> детей спать положили, в кухню ушли и решили свои проблемы. А шепотом – это значит без крика, без ругани, без всего. Каждый высказал свои точки зрения <...> компромисс, и все будет замечательно», «Я иногда ему прощала гулянки, то есть самое главное, мне кажется, вот понимать друг друга, да? И прощать уметь. Несколько раз было, уже хотела разводиться, уже двое детей было, и всё, и надоел с гулянками с этими. Но потом опять пройдет какое-то время, нормальный он мужик-то был, не

то чтоб алкоголик. Дружить он ни с кем не дружил, ни с одной женщиной, верен мне был»);

молчаливая, не осуждающая других («Не надо ругаться, не надо спорить. <...> Промолчи лучше, вот. Никогда не говори про человека там гадость какую-то», «Не обсуждают кого-то. <...> Ну, мало ли что в жизни бывает у кого-то, ну, что теперь. И, если что-то, я всегда как-то: “Прекратите эти разговоры!”»);

жизнерадостная («Она улыбается, она никогда не будет <...> причитать: “Ой, там плохо мне <...> там, ой, я не могу, я туда не пойду <...> зачем мне это надо, там такие нехорошие”. <...> У них всегда положительный настрой»).

«Злая жена» («непутевая баба/девка», «беспутная»):

«ведьма», «колдунья», «знаткая», «чернокнижница», «знахарка» («Вражеванием занимается», «Была у нас, в нашем коллективе <...> злая очень женщина <...> Вот всем делала вред. Все она колдовала что-то <...> куда-то лезла. Никак я с ней подружиться не могла», «Может на смерть навести – скотину или человека»);

«злая», «ненавистная», «недоброжелательная», «вредная», «плохая» («Очень плохая, очень много зла делала людям»);

«беспутная», «блядь», «распутная»/«распущенная», «проститутка», «гулящая», «наглая» («Баба непутевая налево бегат», «Щас, по-моему, все гуляющие! С одним мужем не пожила – один, двое, трое... Опять без мужа, опять двое, трое... Куда она с ними? Я согласна, пускай дети – цветы жизни! Ну, ты, чтоб они у тебя <...> хоть бы сытые были, не глазели вот так глазенками, что хочется подать», «Которая ой-ой: херак, херак – выскочила. Прошла неделя и все, он ее выбросил <...> Она другого, блядь найдет <...> и еще к этому придет опять, эта беспутная», «Щас, говорю, наглые. Видишь его одна позвала в кафе, напоила и увезла к себе. И он три ночи у нее ночевал <...> Вот, видишь, какая наглая, напоила и это, и увезла домой спать, а он и с ней уже это <...> О-о-о! сама лезит блядь эта. Нельзя так!», «Большинство браки распадаются, и не с путевыми женщинами они [мужчины] не живут»);

гордая, «высокомерная», «эгоистка», «карьеристка» («Которые думают только о себе <...> допустим, о своей карьере. Карьера в первую очередь, а потом уже все остальное», «Девушка любит только себя <...> Они говорят: “Мне не надо ни семьи, ни детей, мне важна карьера” <...> А потом уже поздно», «Все время стоит на своем, никогда нигде не уступает»);

«жадная», «злосычная» («А плохая жена-гримза, которой все мало, и мало, и мало. Денег мало, как у меня невестка, например, у сына: “Зачем ты мне такой нужен?”, – он в кардиоцентре работает – “Тебя сутками <...> И столько ты приносишь мало”. И все время пилит, и пилит, и пилит»);

пьющая, курящая, матерящаяся, наркоманка («Которые пьют, пьющие женщины», «Это пьют да наркоманят, да это непутевые», «Очень много пьют. Наркоманили. Даже здесь у нас наркоманили <...> И многие вот женятся, а потом расходятся. Понимаете, вот такие затраты родители делают, а они там живут, не доживут – разошлись и все», «Вот это вот курево донимает... <...> Я вообще поражаюсь этим людям: они еще не умылись, они еще только глаза продрали и уже сигара в зубах! <...> Убивают женщины! Я на них даже смотреть не могу <...> И вот и женщина напротив <...> сидит, курит. Я говорю: “А ты ночью просыпаешься, не куришь?” Она говорит: “Ночью – нет”. Я говорю: “Слава Богу!”», «Однажды идут две девочки пьяные-препьяные, а там, знашь, трава была скошена, повалена была трава. Вот они шли-шли, упала одна, а эта подниматься ее матер-

ком ее всяко. Вот че, разве добрые, какие это девки? Это уж самое последнее дело, когда уж молода она пьет. Вот да сейчас-то вот пьют, курют», «Я ненавижу, когда девчонки курят. Я, даже если в магазин иду, торгашка стоит, курит, я туда даже не зайду»);

«завистливая» («если у человека все хорошо, они завидуют»);

лживая, клеветущая; сварливая («А у нас попробуй слова скажи – сразу десять взамен, ежли не по ее»);

«**строющая козни**» («Строит козни <...> недоброжелательно относится»);

не любящая детей («Это не мать», «Которая материт их да ругает»);

ленивая («Не работает, и не туда и не сюда», «ниче не умет делать»);

воровка («Может и придет к тебе и что-нибудь стащит <...> потихонечку»);

пакостливая; неприятная; отвратительная; недовольная; неустроенная; проклятая («Делает пакость какую-нибудь, и все равно ведь Бог наказывает», «Вот эта как раз женщина, которая нам зло делала. Как она умирала, ой-ой-ой! Не дай Бог <...> Она и криком кричала, и боли какие-то у нее появились <...> и куда-то вроде как лезет, лезет, руки у нее наизворот, ноги наизворот», «И умерла-то она не по-людски <...> Она с ума сошла»).

Приведем также краткий рассказ, в котором без труда опознается схема сюжета о несчастной, блудной, злой жене:

У нас девушка одна... она закончила восьмилетку, школу. Симпатичная, очень красивая такая была. И у нас экспедиция в эту, в деревню приехала. И, короче, они встретились, любовь там возникла и так далее. Но лето кончилось, экспедиция стала уезжать, и этот видный кавалер уехал. Не знаю, че он сказал ей на прощание, но, в общем-то, она это... выпила уксус. Ее в больницу в Богучаны, но, к сожалению, не смогли помочь, и умерла она. <...> В прошлом году я подходил к ее могиле. <...> Никто не смотрит за могилой, выросла ель такая здоровая прямо на могиле. И прямо всю оградку прикрыло ветками со всех сторон. <...> Ну, вроде как прикрыла от людских глаз.

Как мы видим, приведенные психологемы фактически идеально соответствуют тем, что представлены библейско-византийско-древнерусской традицией. Данный подход обозначает истоки нравственных категорий в русской культуре, а также иллюстрирует тот факт, что современная народная этика основана на указанной традиции. Мы имеем дело с убедительным свидетельством сохранности «архетипической матрицы» в среде жителей сибирской провинции. Обнаруживается прямая генетическая связь между древними текстами и текстами Нового времени: для тех и других свойственны общие сюжетно-мотивные комплексы. Разумеется, что в данных примерах мы встречаем новые, соответствующие реалиям времени лексические единицы. Однако их семантика не противоречит теме, а органично в нее встраивается, развивает и дополняет ее. При обращении к текстам Нового времени с такой ситуацией мы будем сталкиваться постоянно.

Список литературы

Бармина В. Э. Феномен женственности в культуре Средневековья (на материале артефактов письменной культуры Византии и Древней Руси VI–XVII вв.): Автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2009. 24 с.

Васильев В. К. Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков. Архетипы русской культуры. От Средневековья к Новому времени. Красноярск, 2009. 260 с.

Васильев В. К. К описанию архетипического сюжета о «добрых» и «злых женах» в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Лев Толстой и время: Сб. ст. Томск, 2010. С. 25–34.

Васильев В. К. Рассказ В. М. Шукшина «Страдания молодого Ваганова» в архетипическом контексте // Диалоги о Шукшине: Материалы I междунар. науч.-исслед. конф. М., 2017. С. 78–96.

Гаспаров Б. М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М., 1993. С. 28–83.

Кольцов А. В. Сочинения. М., 1984. 512 с.

Пропп В. Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928.

Распутин В. Г. Деньги для Марии // Распутин В. Г. Избр. произведения: В 2 т. Т. 1: Рассказы; Повести. М.: Худож. лит., 1990. С. 161–255.

Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М., 1999. 384 с.

Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев; Москва, 1996. 384 с.

Чумакова Т. В. «В человеческом жителстве мнози образы зрятся». Образ человека в культуре Древней Руси. СПб., 2001. 242 с.

V. K. Vasilev

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, v-v-kir@yandex.ru

**On the archetypal approach to the analysis of female images-characters
(written and oral text)**

The paper suggests the method of analysis of images-characters which can be applied to any literary work (in Russian literature) given that it has any psychologically developed female character. The basic research technologies are the motif analysis strictly limited to structural-typological approach; the doctrine of C. G. Jung about archetypes as the content of «unconscious collective»; the plot-motif complexes or models based on creations which have characters of «kind» and «evil wives». When analysing the archetypal images concerned, the term «motif» was added with the term «psychoanalytic motif». It does not contradict with Jung's theory considering «psychoanalytical motif» as an «extra ancient archetypal psychological structure». For the experimental integrity, the plot-motif complexes have been reconstructed on the basis of bible-Byzantine-Old Russian sources.

The study revealed that structural models have the form of binary opposition. «Kind wife» is a God-loving, faithful, angelic, merciful, generous, honest, hardworking, silent, loving, organiser (of the house, of generation) and so on. «Evil» is a heretic (a witch, sorceress), loose woman (minx), arrogant (power-loving), fierce, greedy, false, lazy, vixenish, hateful, destroyer. The plots about «kind» and «evil» wives have the same antinomic nature. The plot about «kind» wife is full of motives of happiness, joy, security and revival. The plot about the «evil» wife is full of motives of boredom, grief, despondency, a scent of trouble, misfortune. It is a plot of damnation and chaos.

A direct genetic connection between literary and oral ancient texts and texts of New time was found: they all have common plot-motive complexes. In particular, we present the survey findings (summer 2017) of Angara Region (Krasnoyarsk kray) long-term residents on the theme of «kind» and «evil» wives. These findings conclusively reveal the safety of «archetypal matrix» among province residents.

This analytical technology allows talking about a correct approach to literary text study or precise literary criticism. The strategy of searching for precise methods of analysis first appeared in Russian science in the works of A. N. Veselovskiy (1838–1906) in the second part of 19th

century. The last try to find universals which run through the cultural texts is associated with Y. M. Lotman, the head of «Tartu-Moscow structural school».

Keywords: Russian literature, oral narrative, method, archetype, psychoanalysis, typology, female characters.

DOI 10.17223/18137083/64/14

References

Barmina V. E. *Fenomen zhenstvennosti v kul'ture Srednevekov'ya (na materiale artefaktov pis'mennoj kul'tury Vizantii i Drevnej Rusi VI–XVII vv.)* [Phenomenon of femininity in the culture of the Middle Ages (based on the artefacts of written culture of Byzantium and Ancient Rus of 6–17th centuries)]. Abstract of cand. cult. sci. diss. Ekaterinburg, 2009, 24 p.

Chumakova T. V. «*V chelovecheskom zhitel'stve mnozi obrazy zryatsya*». *Obraz cheloveka v kul'ture Drevnej Rusi* ["V chelovecheskom zhitel'stve mnozi obrazy zryatsya". The image of a man in the culture of Ancient Rus]. St. Petersburg, 2001, 242 p.

Gasparov B. M. Iz nablyudeniya nad motivnoy strukturoy romana M. A. Bulgakova «Master i Margarita» [Observing the motive structure of M. A. Bulgakov's novel "Master and Margarita"]. In: Gasparov B. M. *Literaturnye leytmotivy. Ocherki russkoy literatury XX veka* [Gasparov B. M. Literary keynotes. Sketches of Russian literature of 20th century]. Moscow, 1993, pp. 28–83.

Kol'tsov A. V. *Sochineniya* [Writings]. Moscow, 1984, 512 p.

Propp V. Ya. *Morfologiya skazki* [Morphology of the fairy tale]. Leningrad, Academia, 1928.

Rasputin V. G. Den'gi dlya Marii [Money for Maria]. In: Rasputin V. G. *Izbr. proizvedeniya: V 2 t. T. 1: Rasskazy; Povesty* [Rasputin V. G. Selected works: in 2 vols. Vol. 1: Stories; Novels]. Moscow, Khudozh. lit., 1990, pp. 161–255.

Rudnev V. P. *Slovar' kul'tury XX veka* [The dictionary of 20th century culture]. Moscow, 1999, 384 p.

Vasil'ev V. K. K opisaniyu arhetipicheskogo syuzheta o «dobryh» i «zlyh zhenah» v romane L. N. Tolstogo «Voyna i mir» [Essay about archetypical plots of "kind" and "evil wives" in the novel of L. N. Tolstoy "War and Peace"]. In: *Lev Tolstoy i vremya: Sb. st.* [L. Tolstoy and time: coll. of art.]. Tomsk, 2010, pp. 25–34.

Vasil'ev V. K. Rasskaz V. M. Shukshina «Stradaniya molodogo Vaganova» v arhetipicheskom kontekste [Shukshin's story "Sufferings of young Vaganov" in archetypical context]. In: *Dialogi o Shukshine. Materialy pervoy mezhdunar. nauch.-issled. konf.* [Dialogues about Shukshin. Materials of the first intern. sci.-research conf.]. Moscow, 2017, pp. 78–96.

Vasil'ev V. K. *Syuzhetnaya tipologiya russkoy literatury XI–XX vekov. Arhetipy russkoy kul'tury. Ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni* [Narrative typology of Russian literature of 11–20th centuries. Archetypes of Russian culture. From Middle Ages to New Ages]. Krasnoyarsk, 2009, 260 p.

Yung C. G. *Dusha i mif: shest' arhetipov* [Soul and myth: six archetypes]. Kiev, Moscow, 1996, 384 p.